

УДК 811.1/8
ББК 81(091)

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ТЕКСТОВ
В ПРОСТРАНСТВЕ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЫ**

(Рец. на кн.: Кремнёва А. В. Интертекстуальность как одна из форм межтекстового взаимодействия в семиотическом пространстве культуры. – Барнаул : АлтГТУ им. И. И. Ползунова, 2017. – 378 с.)

Л. И. Гришаева

Воронежский государственный университет

**INTERACTION OF TEXTS
IN THE SPACE OF LANGUAGE AND CULTURE**

(Review of Kremneva A. V. Intertekstualnost kak odna is form mezhtekstovogo vzaimodejstvija v semioticheskom prostranstve kultury [Intertextuality as one of the forms of cross-textual interaction in a semiotic space of culture]. – Barnaul : AIGTU im. I. I. Polzunova, 2017. – 378 p.)

L. I. Grishaeva

Voronezh State University

Поступила в редакцию 28 января 2019 г.

Проблематика, рассматриваемая в рецензируемой монографии, весьма актуальна с разных точек зрения. Сама автор прекрасно это осознает, вспоминая в предисловии (с. 6–7) довольно большое количество примеров «чужого слова», подчеркивая, насколько расширилось «поле межтекстовых взаимодействий». В самом начале своей книги А. В. Кремнёва пишет: «Количество публикаций, посвященных различным аспектам теории интертекстуальности, может быть сопоставлено только с публикациями по теории метафоры – и те, и другие сегодня исчисляются тысячами» (с. 6).

И следует, пожалуй, признать, что наиболее значимым в изучаемом проблемном поле является прикладной аспект рассматриваемой проблематики, поскольку до сих пор не предложено надежных, прозрачных, понятных и корректных с филологической и/или лингвистической точки зрения критериев распознавания прецедентных феноменов, иначе – средств выражения/реализации интертекстуальности, не достигнут консенсус относительно наиболее значимых для теоретического осмысления интертексту-

альности и культурной континуальности. А сделать это настоятельно требуется хотя бы потому, что условие «знакомство коммуникантов (адресанта и адресата) с проявлением интертекстуальных связей в конкретном (текстовом) пространстве» является предварительным для того, чтобы результат коммуникативного взаимодействия мог быть более или менее успешным. Поэтому главы, в которых анализируются конкретные интертекстуальные связи, имеют особую значимость, поскольку они позволяют не только подробно ознакомиться с разрабатываемой методикой выявления и описания межтекстового взаимодействия, но и убедиться, насколько приемлемыми являются положения концепции, предлагаемой А. В. Кремнёвой.

Монография, состоящая из пяти глав, предисловия (с. 6–7), введения (с. 8–18), заключения (с. 333–337), библиографии (с. 338–373), списка источников иллюстративного материала (с. 373–378), настолько логично выстроена, что лишь знакомство с оглавлением (с. 3–5) позволяет получить довольно четкое впечатление о ходе размышлений автора, а также о теоретическом фундаменте, материале, подходе к осмыслению изучаемого феномена, методике анали-

за. Это, думается, обусловлено точностью выбора при названии глав, разделов глав и отдельных параграфов, а также сбалансированностью членения содержания исследования и соразмерностью глав.

Особого упоминания заслуживает введение (с. 8–18), которое на самом деле вводит читателя в проблемное поле через раскрытие интертекстуальности как феномена (с. 9–10), историю его возникновения как категории филологического анализа (с. 8–9), выявление научных лакун в теории интертекстуальности (с. 11–12). Это позволяет даже читателю, мало знакомому с обсуждаемой проблемой, вникнуть в суть вопроса и понять, насколько сложным и противоречивым является изучаемый вопрос. Интертекстуальность А. В. Кремнёва интерпретирует довольно широко, как «один из способов межтекстового взаимодействия в семиотическом пространстве культуры» (с. 12), определяя в качестве предмета своего исследования когнитивно-семиотическую сущность интертекстуальности и «ее роль в процессах порождения и восприятия текста» (с. 12).

Во введении автор формулирует цель и задачи исследования (с. 12–13), характеризует научную новизну (с. 13–14), называет основные источники своей концепции (с. 14–15) и методы исследования (с. 15–16), определяет теоретическую и практическую значимость (с. 16–17), а также научную достоверность, обоснованность полученных результатов и материал исследования (с. 17–18). Отдавая должное стремлению автора сделать ход рассуждений максимально прозрачным, хотелось бы заметить, что строгое следование требованиям оформления введения в диссертацию представляется стилистически неудачным решением, поскольку монография и диссертация – разные типы текста, несмотря на очевидную близость принципов организации текстовой ткани в названных коммуникативных (синтаксических) образованиях.

Первая глава носит название «Эволюция теории интертекстуальности в контексте меняющихся научных парадигм» (с. 19–73) и содержит довольно детальную характеристику шести подходов к осмыслению сущности межтекстового взаимодействия, погружая соответствующие рассуждения в широкий контекст диалога, определяя истоки теории интертекстуальности, описывая теорию диалогизма М. М. Бахтина и раскрывая различия в осмыслении изучаемой проблематики согласно тому или иному подходу. Обсуждаемые подходы – структурно-семиотический, культурно-семиотический, семиотико-герменевтический, синергетический, коммуникативный, этнопсихолингвистический – представляются таким образом, что читатель не только осмысляет проблематику на том или ином этапе развития обсуждаемой теории, но и знакомится с основополагающими для соответ-

ствующего подхода трудами, базовыми понятиями, трактовкой сущности изучаемого явления, а также с позицией автора, А. В. Кремнёвой, что становится предметом рассмотрения во второй главе. Это проявляется в том, что автор разъясняет основания для своего решения относительно организации обсуждаемого в первой главе содержания (с. 68–71), предваряя этими размышлениями выводы (с. 71–73), где акцентируется, что «эволюция теории интертекстуальности в значительной степени обусловлена эволюцией гуманитарного знания, историко-культурного контекста и сменой парадигм этого знания» (с. 71).

Вторая глава «Интертекстуальность как особый способ кодирования смысла и как форма воплощения памяти культуры в тексте: когнитивно-семиотический подход» (с. 74–170) посвящена раскрытию сущности предлагаемого автором монографии подхода – когнитивно-семиотического. Содержание этой главы детально отражено в оглавлении, в структуре второй главы. Здесь обосновывается собственный подход к изучению и описанию межтекстового взаимодействия. В этой же главе разводятся категории «интертекстуальность», «интердискурсивность», «интермедialность», характеризуется роль памяти в процессах межтекстового взаимодействия. В качестве основы межтекстового взаимодействия описывается прецедентность. С разных точек зрения характеризуется интертекстуальный тезаурус как формат знания и его место в структуре языковой личности. Описываются процессы когнитивной интеграции с их вкладом в смыслообразование и процессы интертекстуального взаимодействия.

Интертекстуальность в авторской концепции трактуется как «одна из форм межтекстового взаимодействия в семиотическом пространстве культуры, основанная на принципе диалогизма и представляющая собой особый, неконвенциональный способ кодирования/декодирования (порождения/восприятия) смысла текста путем эксплицитной или имплицитной отсылки к другому тексту, хранящемуся в тезаурусе автора/реципиента и служащему основой для смыслопорождения и смысловосприятия» (с. 89).

Соглашаясь с первым тезисом автора (интертекстуальность как «одна из форм межтекстового взаимодействия в семиотическом пространстве культуры») и признавая значимость вклада интертекстуальных феноменов в процессы смыслопорождения и смысловосприятия, хотелось бы поставить вопрос относительно неконвенциональности «кодирования/декодирования (порождения/восприятия) смысла текста путем эксплицитной или имплицитной отсылки к другому тексту». Думается, более правомерно было бы говорить о специализации обсуждаемого способа кодирования/декодирования смысла с помощью проявлений интертекстуальности, о выявлении

оснований, по которым адресант считает именно такой способ максимально адекватным в актуальных для смыслопорождения условиях. Ведь если бы обсуждаемый способ не был бы в той или иной степени конвенциональным, т. е. известным всем коммуникантам, невозможно было бы в принципе распознавать интертекстуальные связи. Тем более, что А. В. Кремнёва убедительно рассуждает о роли памяти в процессах межтекстового взаимодействия, отсылая читателей к трактовке культуры Ю. М. Лотманом: культура как «ненаследственная память коллектива» (см. рассуждения А. В. Кремнёвой на с. 77–85 и далее, с. 129–134).

Интерес представляет и решение автора разграничить основные понятия. Так, интертекстуальность и интердискурсивность описываются через их взаимосвязь: «тесная взаимосвязь интердискурсивности и интертекстуальности проявляется в том, что интердискурсивность как процесс взаимодействия различных дискурсов находит свою реализацию в тексте и может изучаться только на основе анализа текстов как результатов дискурсивной деятельности» (с. 117), поскольку интердискурсивность, по мнению автора, «может служить как маркером определенной тенденции в литературе или даже литературной моды, так и маркером идиостиля конкретного писателя» (с. 117). Интермедиальность означает в интерпретации автора «взаимодействие кодов разных искусств в рамках единого художественного целого» (с. 120–121). Прецедентность А. В. Кремнёва считает основой, «на которой базируется интертекстуальность», как «источник текстов, хранящихся в нашей памяти и служащих средствами кодирования нового смысла» (с. 137).

В третьей главе, названной «Типы, функции и средства актуализации интертекстуальных взаимодействий» (с. 171–231), обсуждаются функции интертекстуальности, формы бытования прецедентных текстов в новых текстах, а также способы активизации смыслов, кодируемых прецедентными феноменами. Ценным в данной главе представляется своего рода диалог типологии интертекстуальности, предложенной Ж. Женнетом (см. краткое изложение этой типологии на с. 229–230), и изложения авторской позиции по данному вопросу с анализом конкретного материала. Нельзя не согласиться с решением автора монографии относительно описания функций интертекстуальных феноменов (см. лаконичное изложение сказанного детально в главе на с. 231), равно как и с выводом о «взаимосвязи между типом дискурса, жанром текста, его отнесенностью к определенному литературному направлению и функцией интертекстуальных элементов» (с. 231).

Несомненно, продуктивным следует признать распределение функций интертекстуальных включе-

ний на общие и специальные. К первым автор относит смыслопорождающую и экспрессивную, а вторые, специальные функции, характеризуются в зависимости от типа дискурса – семантико-структурная, экспрессивная, характеристика персонажа для художественных текстов, персуазивная и манипулятивная для политического и рекламного дискурса, имиджеобразующая и аттрактивная для политического и рекламного соответственно.

Вполне оправданно автор говорит также о вариативности функционального потенциала, в частности о вариативности в зависимости от идиостиля и характера эстетического направления, что позволяет автору говорить о метатекстовой и игровой функциях в постмодернистских произведениях.

В этой связи хотелось бы увидеть более подробный анализ функционального потенциала прецедентных феноменов, а также выявление вероятных корреляций между типом интертекстуальных связей/прецедентных феноменов, сферой их бытования, способом овнешнения (вербальный и/или невербальный), описанием возможной моно- и/или полифункциональности соответствующих явлений (в зависимости от типа прецедентного феномена прежде всего). Высказанное ожидание – и вместе с тем настоятельное пожелание – увидеть описание свойств разнородных прецедентных феноменов, разнообразие средств и способов активизации интертекстуальных связей в тех или иных условиях, а также значимость обсуждаемых явлений как при порождении, так и при рецепции текстов коммуникантами с разнообразными и различными характеристиками. А поскольку частота обращения к прецедентным феноменам различна у разных типов коммуникантов, несмотря на потенциальную общеизвестность в соответствующей языковой культуре тех или иных прецедентных феноменов, выявление названных выше корреляций оказывается значимым не столько в общетеоретическом отношении, сколько в прикладном, в особенности для носителей других языков и культур, нежели изучаемого.

Соответствующие данные могут стать полезными и для характеристики конкретной языковой культуры на том или ином этапе ее существования, что особенно важно при осмыслении переломных эпох, а также уяснения степени эффективности отдельных манипулятивных приемов применительно к индивидуальному и массовому сознанию. Это обусловлено тем, что прецедентные феномены каузально связаны с ценностными ориентациями, особо значимыми в конкретном социокультурном пространстве, поэтому апелляция к соответствующим прецедентам позволяет манипулятору минимумом средств достигнуть максимума желательного для него эффекта – об этом свидетельствуют многочисленные актуальные при-

меры из различных языковых культур, а также содержательная структура фейков, получивших столь широкое распространение в медиасреде.

Выявление и тонкая дифференциация функций прецедентных феноменов и других межтекстовых взаимодействий в том или ином текстовом пространстве представляется особо ценным, поскольку реализация функционального потенциала отдельных типов прецедентных феноменов тесно обусловлена их сущностью и специализацией на коммуникативную задачу, решаемую адресантом в конкретных условиях, а также формой их бытования в культуре и наличием/отсутствием моно- и/или полифункциональности соответствующего прецедентного текста.

В четвертой главе «Библейский миф как “сильный” прецедентный текст. Специфика функционирования библейского мифа в художественном тексте» (с. 232–302) речь идет, как и подсказывает название главы, о способах бытования библейского мифа в художественном пространстве, о средствах и способах активизации соответствующих сведений, а также о вкладе обсуждаемых феноменов в ткань художественного текста и в замысел писателя, в том числе и о месте этих сведений в концептуальной системе конкретной личности. А. В. Кремнёва исходит в своих рассуждениях на данном этапе исследования из того, что «библейский элемент прочно вошел в сознание человека христианского мира как элемент общей картины мира, а сам язык Библии оказывал моделирующее воздействие на язык писателей многих веков и многих стран» (с. 233), и это позволяет ей принять во внимание многочисленные интерпретации одного и того же сюжета в разных условиях. Подобное решение представляется, вне всякого сомнения, не только корректным, но и продуктивным, поскольку комплекс сведений, активизируемый тем или иным библейским мифом, будучи весьма сложным и чрезвычайно гетерогенным, профилируется в разных условиях по-разному, что требует развитых навыков распознавания и содержательных интерпретаций.

Анализируя миф как часть того или иного произведения, автор монографии осмысляет миф как «сильный» прецедентный текст (с. 301), «представляющий собой художественную модель постижения неизменной сути человека и всего человечества, средство выражения вечных истин и способов художественной организации материала» (с. 301), как «архетип сознания, регулирующий порождения и восприятие текста» (с. 301). Не вдаваясь в контексте рецензии в дискуссию относительно соотношения архетипа и мифа и их роли в процессах порождения и рецепции разных типов реальности, следует подчеркнуть целесообразность соответствующего анализа с акцентом на то, что автор называет «сигналами

интертекстуальности»: сюжетная линия, библейские цитаты, аллюзии, библейские слова и метафоры, ритмико-синтаксическая организация текста. И хотя перечисленные «сигналы интертекстуальности» не являются однопорядковыми и их список, естественно, не конечен (и не может быть таковым), было бы желательным подробно остановиться на потенциальных корреляциях между типом интертекстуального включения и его маркером, а также типом контекста, который также помогает в рецепции (прежде всего в распознавании) и интерпретации авторского послания в конечном счете.

Хотелось бы обратить внимание автора на дискуссионность утверждения относительно «сигналов интертекстуальности» как «репрезентантов смысловых доминант романа» и авторской картины мира (с. 302), потому что в разных типах контекста вклад даже таких сильных прецедентных феноменов, как библейские сюжеты, вряд ли целесообразно считать идентичным или аналогичным.

Думается, есть резон в том, чтобы выявить общее и специфическое относительно таких единиц, как библейский миф, библейский сюжет, библейские слова, библейские метафоры, библейские цитаты, поскольку очевидно, что их включение в фиктивный текст, вклад в авторское послание, первоначальный функциональный потенциал и модификация последнего в пространстве конкретного фиктивного текста не может быть тождественным уже только в силу принципиального различия их сущности, имманентных им свойств и специализации на определенные коммуникативные условия.

Вряд ли правомерно без специального исследования специальными процедурами делать обобщения относительно ритмико-синтаксической организации текста: тех наблюдений, которые представлены в рецензируемой книге не достаточно для формулируемых обобщений, тем более на фоне тщательного и доказательного анализа иных аспектов изучаемой проблематики.

Пятую главу «Интертекстуальная компетенция читателя и ее роль в интерпретации смысла текста» (с. 303–332) можно только приветствовать, поскольку рассуждения о значимости интертекстуальной компетенции читателя не только весьма кстати, но чрезвычайно уместны и необходимы – ведь без соответствующей компетенции интертекстуальные вкрапления не распознаваемы и, следовательно, «не работают», по крайней мере, так, как на это рассчитывал адресант, порождая текст. А. В. Кремнёва останавливается подробно на условиях, необходимых как при порождении, так и при рецепции текста с интертекстуальными вкраплениями, рассуждает о прецедентной плотности текста, признавая его одним из барьеров при понимании смысла текста, описывает при-

знаки интертекстуального тезауруса интерпретирующего субъекта. Перечисленные аспекты чрезвычайно значимы не только в общетеоретическом смысле, но и в прикладном отношении, о чем уже говорилось выше. Вполне правомерно автор монографии описывает комплекс вопросов, связанных с интертекстуальной компетенцией, на единых теоретических основаниях с процессами порождения текстов – как когнитивно-креативную деятельность, что абсолютно справедливо.

Соответствующие обобщения внятно и лаконично сведены в выводах на с. 331–332, и остается только сожалеть, что эта столь важная для общей теории прецедентности/интертекстуальности часть оказалась незначительной по объему. Можно было бы дополнить рассуждения анализом специальной литературы, однозначно свидетельствующей, что интерпретаторы, авторы критических разборов, не всегда распознают интертекстуальные включения либо на разных этапах бытования один и тот же прецедентный феномен осмысливается по-разному, либо один и тот же прецедентный феномен по-разному осмысливается в разных культурных пространствах. Можно назвать и иные ситуации, значимые для постижения явления «интертекстуальная компетентность», столь продуктивная в контексте обсуждаемых проблем, одно ясно, что общий вывод автора справедлив: «прецедентные тексты обладают потенциальной лакунарностью, которая может иметь место как при общении в рамках одной культуры, так и в межкультурной коммуникации. <...> Наиболее эффективным способом заполнения подобных лакун является обогащение интертекстуального тезаура личности, осуществляемого в процессе чтения» (с. 332). Однако следует заметить, что, принимая во внимание закономерный характер влияния интертекстуальной компетенции на рецепцию и осмысление текста в целом, необходимо искать пути закономерного и целенаправленного формирования и совершенствования обсуждаемой компетенции. В противном случае диалог текстов не будет осознаваться, и связи между различными культурными пластами будут истончаться и в перспективе могут вообще исчезнуть – как это мы наблюдали в 1990-е гг., когда разрыв между поколениями в нашей культуре был столь очевиден, что убедил многих в необходимости срочного восстановления культурной преемственности между отдельными поколениями.

Заключение (с. 333–337) задумано, по всей видимости, как изложение хода исследования, что в контексте весьма удачно сформулированных выводов представляется не совсем удачным – автору желательно было бы, может быть, остановиться на основных положениях своей теории, не вдаваясь в особенности процесса поиска соответствующих подходов.

Завершая анализ интересной во всех смыслах монографии, содержащей значимые для теории обобщения и ставящей важные вопросы, помогающие осмыслить обсуждаемую проблематику в дальнейшем, следует обратить внимание на обилие иллюстраций, легкость стиля, глубину обобщений, доброжелательность по отношению к читателю, корректность дискуссии, аргументированность авторской концепции. Всё это позволяет читателям с разным уровнем подготовки по изучаемому предмету анализа с однозначной пользой обратиться по разным поводам к выводам и наблюдениям автора, А. В. Кремнёвой. Читатель может получить и дополнительные сведения по филологии вообще и по литературоведению и/или языкознанию в частности, поскольку текст книги богат глубоким анализом отдельных научных парадигм, актуальных в последнее столетие, что только способствует проникновению в историю изучения того, как функционирует в культуре язык.

Впечатляет и объем проработанной литературы по проблематике (388 источников на разных языках, не считая словарей), а также массив художественных текстов (более 27 000 страниц англоязычных текстов), в которых ярко присутствует межтекстовое взаимодействие. Оценивая результаты анализируемого исследования, целесообразно напомнить, насколько сложно распознавать интертекстуальные связи в «своей» для исследователя культуре и что выявлять межтекстовое взаимодействие в «чужой» / «другой» для исследователя культуре многократно сложнее.

Основные положения концепции автора можно сформулировать следующим образом:

- трактовка интертекстуальности как одного из случаев межтекстового взаимодействия;
- обоснование когнитивно-семиотического подхода как максимально адекватного и продуктивного при описании разных видов межтекстового взаимодействия;
- понимание интертекстуальности как одного из способов смыслопорождения и смысловосприятия;
- разграничение интертекстуальности, интердискурсивности, интермедиальности;
- описание интертекстуальности с позиции порождения и рецепции текста, с учетом вклада в текст и его понимание адресанта и адресата;
- введение категории «интертекстуальная компетенция» и др.

В качестве обобщения следует подчеркнуть, что можно только приветствовать решение автора рассматривать проблематику интертекстуальности с учетом процессов порождения и рецепции текста. Это решение можно охарактеризовать не только как продуктивное, но и как корректное, так как названные процессы не являются абсолютно конвертируемыми, с одной стороны, и межтекстовое взаимодействие

может быть телеологичным или же случайным/интуитивным/неосознаваемым адресантом – с другой. С позиции адресата наличие тонко дифференцированного коммуникативного и когнитивного опыта позволяет реципиенту легко распознавать диалог текстов в разных коммуникативных условиях и средах и вследствие этого адекватно осмыслять порождаемый адресантом текст. Особую значимость сказанное имеет для фиктивной коммуникации, а на актуальном этапе развития культуры – и для медиaprостранства, так как сегодня функционал медиатекстов существен-

но меняется, а их роль для процессов первичной и вторичной социализации носителей языка и культуры всё возрастает.

В таком контексте монография А. В. Кремнёвой приобретает особый вес не только с общетеоретических позиций, но и в прикладном аспекте. Поэтому можно только согласиться с тем, кому автор монографии адресует свою книгу – научным работникам, преподавателям, аспирантам, магистрантам, занимающимся проблемами лингвистики текста, когнитивной семантики, концептуального анализа и дискурса.

*Воронежский государственный университет
Гришаева Л. И., доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии
E-mail: grishaewa@rgph.vsu.ru*

*Voronezh State University
Grishaeva L. I., Doctor of Philology, Professor of the German Philology Department
E-mail: grishaewa@rgph.vsu.ru*